История Великой Отечественной войны затрагивает меня особо, с самого детства: моя любимая бабушка Глафира Ивановна была ветераном, прошедшим все тяготы боевых действий. На фронт была призвана 19-летней девчонкой, в том возрасте, в котором сейчас находятся мои студентки. Глядя на них, испытываешь двоякое чувство: смогла бы сегодняшняя молодежь как тогда, много лет назад, отважно и бесстрашно встать на защиту своей Родины? Или чувство патриотизма уже перерождается в нечто иное, чуждое нашему сознанию?

Хотелось бы поведать читателям одну историю, которая началась более десяти лет назад, но актуальна и по сей день. Будучи молодым преподавателем, я работала на факультете журналистики, которому благодарна за привитую мне любовь к науке и творчеству.

В преддверии годовщины Великой Победы студенты нашего университета по давней традиции встречаются с ветеранами Великой Отечественной войны и узнают о подвигах молодых парней и девчонок из первых уст. Встречи всегда проходят оживленно, у ребят возникает много вопросов, ведь каждому хочется узнать подробности событий того, такого далекого и в тоже время, такого недавнего прошлого нашей великой страны. Все мы знаем, что человек жив до тех пор, пока жива память о нем.

Под впечатлением после такой встречи ко мне подошла студентка второго курса Маргарита Табакова и буквально «взахлеб» рассказала о том, что в ее родной деревне Бишево Урмарского района есть пришкольный музей воинской славы, где хранится уникальный дневник жительницы блокадного Ленинграда. Маленький блокнотик с пожелтевшими листочками, исписанными чернилами принесла учительница чувашского языка местной школы Клавдия Мадеева. Эти записки достались ей от мужа, Петра Фокина – защитника блокадного Ленинграда.

Мы позвонили в Бишевскую школу, под мою ответственность нам разрешили на время взять этот бесценный экспонат.

Тогда еще была жива моя любимая бабушка и, проплакав над этими страницами всю ночь, мы решили, что подробно о тех трагических днях должны узнать не только посетители школьного музея.

Часть этого дневника была опубликована в газете «Московский Комсомолец» еще в 2005 году. Тогда в редакцию поступило огромное количество звонков и писем не только из нашей республики, но и других регионов России. Читатели благодарили за то, что в наши дни им и их детям преподнесен такой урок стойкости и мужества простой женщины, что приняв его хочется поверить не только в бесконечную силу человеческой воли, но и самим стать чище и добрее к окружающим. Хочется закричать: «Люди! Оглянитесь вокруг! Мы живем в прекрасной, великой и свободной стране. Все наши мелкие бытовые проблемы и неурядицы так ничтожны по сравнению с тем что пришлось пережить нашим отцам и дедам ради нашего мирного настоящего». Порой мы перестаем ценить то, что имеем, воспринимаем это как должное. Больно видеть как дворовые мальчишки играют в футбол брошенной буханкой хлеба, даже не догадываясь насколько высока ее цена, цена человеческой жизни...

Сегодня, в год 70-летия снятия Ленинградской блокады, мы публикуем отрывок из этого дневника, где описаны несколько дней января 1942 года.

10 января 1942 года

Страшный город, страшное время. Жизнь замирает... Миллионы голодных, обессиленных людей двигаются в разных направлениях, как муравьи из разрушенного муравейника. И на лицах каждого – голод, в глазах каждого – предсмертная тоска. Большинство еле-еле двигается. Идет человек – падает и... конец. Как это просто и уже обыкновенно. Я мало выхожу. Но на протяжении от второй Красноармейской до улицы Шкапина я встречаю до 10 гробов. Сколько же их по всему Ленинграду?

Что ждет нас всех и мою семью в частности? Валерий уже около месяца на бюллетене. Слаб, нервен. Михаил тоже невообразимо изменился за последние дни. За него я опасаюсь больше. Если это положение протянется еще одну-две декады, его не спасти...

Около месяца я жила исключительно на 125 гр хлеба и бульоне. Теперь, около двух недель, я получаю 200 гр, но две декады в доме нет жира... Спасает нас столовая. М. берет суп из хряпы две порции (счастье, когда суп из отрубей) и на второе – пару оладей или отрубная каша (тоже счастье!). Лера берет завтрак, обед и ужин на дом. По 100 гр каши смакуем, как редчайшую сладость, и только глазам тяжело, что она тает

скорей, чем мороженое в жаркий день...

Наш быт. Комната в 15 кв. м занята нами, семьей Ивановых... Стоят три копки, вороха рухляди и дом со скарбом, без которого не прожить. Вот уже с месяц поставили «буржуйку», изделие рук М. Эта милая особа нас не только греет, но еще и коптит. Комната черна от дыма. Мы сами грязны, как кочевники в чумах. Электричества нет давно. Жжем машинное масло в двух маленьких баночках, но все-таки через горелки. И мы можем считаться уже богачами по сравнению со многими другими, живущими в холодных неотопляемых комнатах без света... У нас есть тумбочка с фанерной доской – заменяет нам стол и буфет. У нас есть даже три стула и мы спим на койках. А другие? Жутко смотреть! В комнате, как наша, живут по 8-10 человек. Общие деревянные нары, и все. Тут спят, тут и обедают.

Не работают уборные. Весь коридор залит из уборной. Вонь, грязь... Что будет весной?! Холодно! Дров нет. На базаре вязанка дров – 50 рублей. Жильцы нашего общежития истопили все, что под руку попадало. Но вот ничего не стало. Начали ломать паркет. На месте ободранного паркета положили настил из досок. Сожгли и его. Теперь паркета нет совсем. И мы, глядя на других, тоже приняли в этом участие. Сначала старались «воспитывать» массу, протестовали... А потом нам стало тоже очень холодно и видно, что все равно паркет не спасти... и мы тоже им грелись. Берем кипяток из кипятилки утром и вечером. Это занимает всегда по полтора-два часа на очередь. Бывает хуже. Нет ни кипятка, ни холодной воды: перемерзли трубы.

Люди у нас в доме умирают по несколько человек в день. И уже никто не ахает, не ужасается, не удивляется. Всех ждет одно... Полная обреченность и равнодушие к своей судьбе. Иногда думаю: это только мы, русские, способны все вынести, все перетерпеть. Что это? Последствия векового рабства, флегматизм славянской натуры или действительно героизм нового социалистического человека?..

У меня мечта – быть вместе с моими девочками Золушкой и Томиком. Как тоскливо моему сердцу без них, но как я рада, что отправила их в Ярославль. Вот только где они теперь?.. Сообщают, что выезжают с лагерем в Омскую область и что остановятся в Свердловске у Тамары. Больше двух месяцев от них нет ничего. Успели ли они выехать из Ярославля, живы ли? Об этом нельзя много думать. Страшно. Верю, обниму моих дочек, поцелую их любимые лица. Я хочу жить для них и я выживу. И не только я. Я сделаю все для того, чтобы выжили М. и В. Если б они знали, как мне бывает подчас тяжело и трудно. А я в такие минуты еще больше бодрюсь. Когда в них угасает сопротивляемость, я подстегиваю их, иногда лаской, а часто нарочитой резкостью,

грубостью. Как-то утром было очень тяжело. Оба они приуныли. А я запела... Меня душили слезы, от истощения голосовые связки сводит судорогой, и получается не пение, а скрип. Но я пела, запели и они. Это было очень страшно.

Мы так худы... М. не может сидеть без мягкой подкладки. Лицо у него страшное, изможденное, черное, чужое. Лера пухнет. У меня пухнут ноги и немного все тело. Но я верю в силу установленного у нас режима питания... Наблюдаем часто, что люди съедают все за 4-5 дней, а потом голодают совершенно. И думается, что отсутствие режима есть основная причина ужасающей смертности по Ленинграду. Я сама лично видела список умерших за день по одному отделению милиции: человек около 90. Сколько же по всему Ленинграду?! Конечно, это не государственная статистика, но, наверное, недалеко от истины: говорят о смертности задень до 8-10 тысяч человек. Умирают мужчины в возрасте 30-60 лет, женщины и дети меньше...

11 января 1942 года

10 часов вечера. Все спят. Дом как темная могила. Холодно. Мои напились чаю. М. лежит с горчичником на груди. Заложило грудь, откашливать не может – так слаб. Что будет?! Жизнь в завязанном мешке! Радио молчит, газет нет.

Пошла сегодня за хлебом. В подъезде дома стоит на санках разбитый гроб с окоченевшим трупом. Кто-то обессилел и бросил. Такие случаи теперь часты. Не скажу, чтоб меня это зрелище неприятно поразило, как можно бы ожидать. Все равно... Ведь если умрет кто-нибудь из нас, может быть такая же картина. Достать гроб очень трудно. На кладбище нужно везти самим на санках и самим закопать, если не хочешь, чтоб близкий тебе человек гнил чуть засыпанный снегом и тонким слоем земли. А именно так и хоронят могильщики. Вот кто теперь в моде и силе, что профессия нужней всех. И они это знают и пользуются неограниченно слабостью и беспомощностью людей.

Дай Бог, чтоб первая умерла я. Но страшно, страшно за М. и Леру... В магазинах пусто. Говорят, что вчера толпа разгромила магазин, но унесла только хлеб, ибо больше ничего нет. Начинается стихия голодных страстей. Конечно, здесь дело не без вражеской агентуры. 7 января в «Лен. Пр.» была заметка об обострении голода в Германии, и что там громят магазины. Мне подумалось, что эту заметку не следовало бы публиковать... Надо учитывать моральное состояние людей.

...Лера три раза плакал, угнетенный постоянным голодным состоянием. Страшные слезы! Дней семь тому назад ему было очень плохо. И я решила, что я вырежу у себя часть мускулов бедра и сварю ему. Сумею обмануть, наберусь воли. Это похоже на бред, но это было вполне реальное и вполне обдуманное решение. Не знаю, не уверена, выполнила бы я его!..

В магазинах часты картины: дети, а бывает, и взрослые, выхватывают из рук хлеб и жадно, жадно засовывают в рот. И никакими силами отнять у них хлеб нельзя. Будь что будет, лишь бы ощущать это блаженное состояние рта, набитого хлебом. Воруют карточки. Что переживает человек, когда он теряет карточки все до одной в начале месяца! Я видела таких. Жутко. Прожить месяц без нормы! Что нужно иметь, чтобы купить. Да ведь и не купишь. Все на обмен. Вещи дешевы. За кило хлеба можно купить хорошие валенки, за 300-400 гр хлеба – брюки стоимостью 300-400 рублей... Что мы можем купить на наши 300 рублей! Остается одно: медленно умирать. А хочется жить.

15 января 1942 года

Четыре часа утра. Вчера легла в семь вечера. Проснулась в полночь и глаз сомкнуть не могу. Вчера я очень устала. Тяжелый, голодный день. Пошла за завтраком и обедом для Леры и папы. Лере дали тарелку побеленной мукой воды на завтрак, на обед котлетку с пятак из какого-то суррогата и на ужин... чайную ложку повидла. Папе смогла еле-еле достать тарелку воды с хряпой и блюдечко мучной каши. Хлеб, конечно, по 350 гр. А у меня ведь ничего нет, кроме 200 гр хлеба. Мои 200 гр крупы на декаду уже съедены. Голод, голод...

Я страшно хочу есть. Это – признак моей жизнеспособности. А М. уже не хочет есть. Что бы ни съел – сыт. Но это, конечно, самообман. Он слабеет с каждым днем. Вчера вздумал изломать ногой тонкую палку от доски. И упал в корыто с холодной водой. Подняться сам не смог. Переодела всего. Да! Перед этим он попросил ему согреть воды, чтобы побриться, вымыться, остричь ногти и переодеться. Чтобы умереть не грязным. Говорит шутя, а на душе мысль уже освоена.

Жизнь уходит... Что я могу сделать. Вещей ценных нет, да и нет на рынке самого основного – жиров. Пять дней я бегала в поисках вина. Талоны купила: один за 100 гр

хлеба, другой за 35 рублей. Кое-как достала литр плодово-ягодного вина 12-градусного. Все-таки в чаю оно подкрепляет нас. Я не должна бы ни капли брать для себя, но я тоже очень ослабла. И теперь я должна стоять на ногах. Если угаснет папа, надо спасать Леру. А ведь у меня тоже опухоли. Вчера и сегодня ночью давит сердце. Если дойдет до отека сердца – конец.

Вчера из столовой я возвращалась в шесть часов вечера. Город мертвых... Встречаются десятки гробов. Лежат изредка мертвые люди. Правда, их быстро убирают днем. Наблюдала. На четвереньках стоит женщина и палочкой долбит снег. Сгребает в кучку и берет в рот... Сошла с ума. Пытались ее поднять, не встает. Постояли и ушли. К утру это, конечно, будет труп.

Мертвые, безликие дома-громады с бельмами из фанеры и досок вместо окон. Толпы безмолвных людей куда-то спешащих и еле двигающихся... Смеха не видела и не слышала давно... Оттепель. Все деревья покрылись нежнейшим пушистым инеем. Но не радуют глаз. Словно саваном окутан весь город. Где и когда спасение?!

Вчера говорил по радио секретарь обкома ВКП(б) Попков. Обещал скорое улучшение снабжения в связи с очищением станции Мгла (Московская железная дорога). Я не слышала лично. Если даже правда, первые грузы для Ленинграда придут не раньше 15 февраля. Выдержим ли мы? Как хочется есть! Не могу терпеть. Съем хоть крошку, свои 50 гр, что оставлены на завтра.

Вот и съела. Разделила на три части, обмакнула в вино и дала папе с Лерой. Оба довольны...

Сегодня видела во сне моих любимых девочек. На Томочку одела что-то чистое, а Золушка босая в ситцевой распашонке просит и на нее что-нибудь надеть. Зашевелился М., и сон ушел. Родные мои, где они, что с ними? Если живы, им не может быть хуже, чем нам. Ласковые мои, хорошие, умницы! Неужели я не увижу вас больше, неужели не согрею вас моей бесконечной любовью!

Писать трудно, застыли руки.

Сегодня надо будет написать письмо Тамаре о том, чтоб она срочно помогла деньгами. Если подвезут продукты, денег у нас мало... Словно весь мир умер и только мы, бедные, еще задержались на грешной земле. Ни писем, ни газет, ни радио, ни электричества, ни отопления. Даже воду достать трудно. Кипятка нет. Топить печурку нечем. Я в четыре утра ходила и выломила несколько плиток паркета. Отчаяние в душе. Вчера я впервые заплакала с посторонним человеком. М. не дали льготный пропуск в столовую. А это значит, что за баланду с хряпой вместо 12,5 гр крупы нужно отдавать 25 гр, за кашу вместо 25 гр – 50, а за мясо 100 гр вместо 50-и. А мы уже и так покупали несколько коммерческих порций и уже съели норму крупы за две декады, а сегодня только еще 15 января. Чем жить?

Подготовили М. ТАБАКОВА, О. ЛАТОШИНСКАЯ.